

Он произнёс эти слова, подойдя к Хэ Шэньпину. Его лицо, обычно смуглое и румяное, теперь было бледным, без единого оттенка крови, губы белые, сухая кожа отслаивалась от нижней губы. Он шепнул Хэ Шэньпину на ухо:

— Учитель Хэ, я, я... Может, я пойду и сознаюсь. Вы правы, я должен всё объяснить. Иначе из-за меня все останутся без еды.

Хэ Шэньпин сказал:

— Я пойду с тобой.

Ван Бинь усадил Хэ Шэньпина под сливовым деревом:

— Учитель Хэ, не ходите. Вы хороший человек, если начнут разбираться, не стоит быть связанным со мной. К тому же здесь ещё много людей ждут ваших уроков.

Сказав это, он, не дожидаясь ответа Хэ Шэньпина, побежал в сторону кабинета руководителя завода.

Это был не очень долгий путь, но Ван Биню казалось, что за это время он пережил всю свою двадцатилетнюю жизнь, небогатую событиями. Он вспомнил, как учитель Хэ нёс на спине учителя Цзяна по этому же пути, и в конце руководитель завода сказал учителю Хэ:

— Положи то, что на спине, кто-нибудь похоронит, иди работай.

Ван Бинь вдруг почувствовал, что и он несёт на спине что-то, возможно, свою сестру. Он шёл по тому же пути, как учитель Хэ нёс учителя Цзяна, неся будущее своей сестры, и в конце руководитель завода, возможно, также равнодушно взглянет на его спину и скажет ему с приветливым лицом:

— Ван Бинь, положи будущее своей сестры, ты, уходи.

Думая об этом, он машинально дошёл до двери кабинета руководителя и механически постучал.

Никто не ответил.

Мужество, вызванное видом голодных людей, и героизм, направленный на спасение других из беды, хватило только на один стук в дверь, он не смог поднять руку во второй раз.

— Небеса не дают мне шанса... — тихо прошептал Ван Бинь, разворачиваясь, чтобы уйти.

— Скрип, — дверь кабинета руководителя открылась изнутри, и оттуда потянуло запахом сигаретного дыма.

Ван Бинь замер. Он думал, что внутри никого нет, и все его психологические приготовления рухнули, как будто, решив, что враг отступил, он разобрал все оборонительные сооружения, а противник внезапно нагрянул с сотнями танков.

— Ван Бинь, что случилось?

Ван Бинь обернулся, и дым ударил ему в лицо. Сквозь дым он разглядел выражение лица руководителя завода, который уже почти догадался, зачем он пришёл.

— Я... — Ван Бинь опустил голову, уставившись в пол и на обувь руководителя завода. Это были новые резиновые туфли, настолько новые, что, казалось, можно было почувствовать запах резины. — ...Я пришёл... сознаться.

Руководитель завода потушил окурок о дверной косяк, скрестил руки на груди и повернулся назад в комнату:

— Заходи, расскажи.

Перед началом работы Хэ Шэньпин издали проходил мимо кабинета руководителя завода, как раз когда Ван Бинь выходил оттуда, продолжая говорить:

— Пять, правда всего пять. Я же пришёл сознаться, какая разница, пять или пятнадцать яиц? Разве я могу врать?

Руководитель нахмурился и покачал головой:

— Ван Бинь, разница большая, это совершенно разные вещи, у нас здесь есть правила насчёт суммы украденного. Пять — ты остаёшься, выплачиваешь стоимость яиц; пятнадцать — выплачиваешь и уходишь. Ты понял? Если украл больше, это уже другой уровень, количественные изменения приводят к качественным, ты этого не учил? Ладно, пора на работу, подумай ещё, сколько именно? Крестьянин нам чётко сказал, что потерял пятнадцать яиц. Если хочешь исправиться, стать хорошим товарищем, сначала будь честен в признании ошибок.

Дверь скрипнула, а затем щёлкнула, закрывшись.

Ван Бинь увидел вдалеке Хэ Шэньпина и быстро подбежал к нему:

— Учитель Хэ, вы засвидетельствуйте.

Хэ Шэньпин вопросительно посмотрел на Ван Биня.

Тот сказал:

— Пять яиц, правда только пять, руководитель говорит, что больше, пятнадцать. Но я правда не воровал пятнадцать.

Он всё время считал на пальцах, боясь ошибиться.

Хэ Шэньпин кивнул:

— Не волнуйся, после работы я пойду с тобой и всё объясню.

Но к концу рабочего дня руководитель завода снова собрал всех вместе.

— Ну, Ван Бинь, расскажи, что случилось? Подумал за день, разобрался?

Ван Бинь вдруг почувствовал, что на него уставились десятки, если не сотни глаз. Он был как овца в волчьей шкуре, попавшая в стаю волков, и в этот момент шкура спала, обнажив его истинную сущность, и он мог быть растерзан в любой момент. Окружающие слегка отодвинулись, как будто готовясь к атаке — если всё окажется так, как они думают, они набросятся и устранят этого чужака.

Солнце медленно садилось.

— Ван Бинь... — подтолкнул руководитель.

Ван Бинь, до этого опустивший голову, вдруг поднял подбородок, глядя на закат, и, как будто давая клятву, сказал:

— Я украл яйца. Это я.

Он клялся, и в то же время краем глаза увидел, как один из товарищей показал ему большой палец, а другой сделал преувеличенную гримасу: «Пожертвовать собой ради других, отдать жизнь ради справедливости».

В этот момент Ван Бинь из чужака превратился в героя.

Кто-то быстро подхватил, осторожно намекая:

— Руководитель, вы видите, теперь... мы нашли человека, можем ответить крестьянину...

— Не торопитесь, — улыбнулся руководитель завода. — Ван Бинь, сколько яиц ты украл?

Ван Бинь сказал:

— Пять.

— Ты точно помнишь, может, мне напомнить?

Ван Бинь:

— Точно помню, пять.

— Хорошо, пять, значит пять.

Руководитель завода медленно кивнул, а затем резко сменил тему:

— Но крестьянин сказал, что потерял пятнадцать, значит, есть ещё один вор.

Его глаза снова метали предупреждения, но теперь в них была и уверенность в том, что всё пойдёт по плану.

— Пожалуйста, продолжайте быть бдительными, присмотритесь, найдите второго вора.

Он особо подчеркнул слово «второй», как будто горло, зубы, язык и губы все вместе вложили в него силу, и каждый раз, произнося эти слова, он смотрел на Ван Биня, словно не веря, что действительно есть второй вор.

Не только он не верил, весь завод не верил.

Как только руководитель завода ушёл, Ван Бинь получил шлёпок по затылку:

— Ты что, издеваешься? Если признаёшься, то признавайся за всех, а теперь что? Заставляешь всех голодать?

Ван Бинь, потирая затылок, ответил:

— Я взял пять, зачем мне признаваться в пятнадцати?

Эр Хоу пнул его ногой:

— Если не собираешься признаваться, то не признавайся вообще, он в конце концов ничего не сможет сделать, а теперь ты сделал так, что этот проклятый толстяк понял, что этот метод на нас действует, ты видел, чтобы Дун Цуньжуй взрывал только половину укрепления?

Хэ Шэньпин отвел Ван Биня в сторону:

— Всего пять, больше не было. Успокойтесь, это не ошибка Ван Биня.

— Учитель Хэ, я вас уважаю, но вы неправы, — сказал Эр Хоу, наклонив голову и глядя на Ван Биня. — Это ошибка Ван Биня, он украл, а мы все за него держались, теперь он хочет стать героем, мы не против, но не надо, становясь героем, заводить врага в деревню. Вы, другие, скажите, разве не так?

Хэ Шэньпин сказал:

— Это не так...

— Учитель Хэ, не спорьте с ним, — покраснев, Ван Бинь остановил Хэ Шэньпина и бросился на Эр Хоу.

— Драться? — Эр Хоу отступил на шаг, спрятавшись за несколькими людьми. — Не на меня одного нападай, посмотри, с кем ты сейчас дерешься? Ты встал против народа, понимаешь?

Действительно, оглядевшись, Ван Бинь увидел, что рядом с ним остались только двое: Хэ Шэньпин и старый немой, присматривавший за котельной.

Начинало светать, с одной стороны небо было слегка белесым, а с другой стороны бледная луна ещё не зашла, как водяной знак на небе.

Старый немой усердно крутил педали трёхколёсного велосипеда, на котором лежали немногочисленные вещи Ван Биня: тазик, кружка, миска, одеяло и ещё кое-какие мелочи.

Ван Бинь нёс на спине рюкзак, на одном плече висела облупившаяся фляга, на другом — пара полуношенных резиновых туфель, немного новее тех, что были на нём, это были туфли руководителя завода, которые тот ему подарил.

Он уходил.

Он выиграл ту драку, его держали и тянули несколько человек, но он всё равно с яростью

избил Эр Хоу до синяков. Но он выиграл только ту драку.

Он знал, что на заводе ему больше не остаться.

<http://bllate.org/book/15543/1382968>